

МАТЕРИАЛЫ
XLI Международной
филологической конференции
26–31 марта 2012 г.
Санкт-Петербург

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Филологический Факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
2012

Понятие академического часа может быть определено следующим образом: Для всех видов аудиторных учебных занятий (в том числе на основе электронного обучения) академический час устанавливается уставом образовательной организации дополнительного профессионального образования в пределах 40–50 минут.

При этом, данное понятие нехарактерно для британского образования, а также для большинства образовательных систем континентальной Европы (за исключением ряда стран, например, Литвы и Болгарии). Для передачи русского термина на английский язык был посредством калькирования сконструирован термин *academic hour*. Он не представлен в специально подобранном корпусе документации британских образовательных учреждений, а поиск на сайтах британских университетов на момент написания статьи возвращает менее 10 релевантных вхождений, изучение которых не позволяет сделать положительный вывод о применимости и узнаваемости данного сконструированного термина.

В то же время, данный языковой субстрат не закреплен за другим понятием, что позволяет эффективно и корректно использовать его в переводе. Такое использование должно сопровождаться соответствующим комментарием, например: *academic hour (45 minutes)*. Кроме того, в пользу данного варианта говорит то, что в переводных документах с других языков такой термин представлен более-менее широко.

Проведенный анализ терминополья «Структура образовательного процесса» показал, что большинство терминов (почти 90 %) представляют собой примеры совпадения понятий, что подразумевает наличие условных эквивалентов в русском и английском языках. Случаи частичного совпадения или полного несовпадения понятий составляют около 10 %.

При этом сопоставление английской и русской терминосистем может в случае углубленного изучения дать ответ на вопрос о состоянии отдельных понятий российской терминосистемы (например, рассмотренного понятия «академический отпуск», обладающего признаками несформированности), особенно для примеров частичного совпадения понятий.

В то же время, в том числе в случае на первый взгляд полного совпадения понятий, нужно, тем не менее, учитывать, что каждый отдельный термин является частью терминосистемы. Английская и русская терминосистемы образования находятся в стадии гармонизации и, взятые каждая в своей совокупности, не могут считаться эквивалентными. Отсюда следует целесообразность говорить на уровне

отдельных терминов об условной эквивалентности, помня о взаимно не гармонизированном состоянии рассматриваемых терминосистем.

Примечания

- ¹ Образовательная деятельность и управление образованием СПбГУ. Двухязычный русско-английский глоссарий. Сост. Ачкасов А. В., Городиский М. В., Пономаренко А. А., Шадрин В. И. (в печати).
- ² Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». Ред. 2010.
- ³ Образовательная деятельность и управление образованием... С. 35.
- ⁴ Calendar 2012-2013, University of Alberta // <http://www.registrar.ualberta/calendar>
- ⁵ Словарь-справочник современного российского профессионального образования. М., 2010. С. 352.
- ⁶ Oxford Dictionary of English, Revised Edition. Oxford University Press 2005, электронная версия для словаря Lingvo.
- ⁷ Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», 1996.
- ⁸ Словарь-справочник... С. 14.
- ⁹ Oxford Dictionary...
- ¹⁰ Terms and condition of offers, Darwin's College // <http://www.darwinscollege.co.uk/doc/termsoffers.pdf>

Григорьева Любовь Николаевна

Санкт-Петербургский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ГРАММАТИКИ В. Е. АДАДУРОВА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

«Краткий очерк русской грамматики на немецком языке» («Anfangs-Gründe der Russischen Sprache», буквальный перевод – «Начала Русской грамматики») В. Е. Ададунова вышел в свет в 1731 году и представлял собой приложение к «Латинско-немецко-русского лексикону» Э. Вейсмана, созданному в том же году. В этот период по-немецки был написан также еще ряд грамматик русского языка –

Иоганна Эрнста Глока (1703–1705), Мартина Шванвица (1731), Иохима Кристофа Шталя (1737–1745) и Иоганна-Вернера Пауса, сохранившаяся только в рукописном виде.

С немецким языком В. Е. Ададура судьба свела не случайно, ведь этот язык был, можно, сказать, «официальным» языком отечественной науки того времени, и его знание было необходимо и для ознакомления с современными научными достижениями, и для общения с коллегами по Академии, большинство из которых были немцами по своей национальности.

Василий Евдокимович Ададуров начал изучать немецкий язык в период его пребывания в стенах Академии под руководством немецкого историка Г. Ф. Миллера. Тогда же еще в годы обучения он начал по распоряжению Шумахера заниматься переводами. 1728 год можно считать началом его профессиональной деятельности как переводчика, хотя еще в 1727 году, по свидетельству Миллера, он не владел немецким в достаточной степени. В 1931 году Ададуров получил звание академического переводчика. Переводил он не только с немецкого, но и с латинского. Со временем он стал рецензировать переводы, и его мнение стало решающим при зачислении в Академию новых переводчиков. Переводил он как с немецкого на русский, так и с русского на немецкий. С немецкого Ададуров перевел труды по древней истории Байера, несколько сочинений Крафта (в том числе, составленные им календари на 1730, 1732 и 1733 годы), «Арифметику» Эйлера и многие другие статьи для академических изданий. На немецкий язык им было переведено «Уложение царя Алексея Михайловича»¹.

Однако в некоторых источниках знание немецкого Ададуровым подвергалось сомнениям или, по крайней мере, критике. Так, в предисловии к своей Грамматике И.-В. Паус жаловался на вмешательство и преследования некоего переводчика (Translateur), который, по его утверждению, не знает ни немецкого, ни русского. При этом под этим переводчиком, по мнению В. Живова и Г. Кайперта, имелись в виду либо Шванвиц, либо Ададуров, которым был знаком текст Пауса². Если и можно согласиться с этой гипотезой, то под этим переводчиком имелся в виду скорее М. Шванвиц, знания и профессиональные навыки которого многими из его современников оценивались не слишком высоко. Так, например, Миллер писал о том, что Шванвиц – человек невежественный³.

Опровержением того факта, что В. Е. Ададуров не в достаточной степени владел немецким языком, может служить сам текст его Грамматики, который вполне

соотносим с исконно немецкими грамматическими текстами того времени. Особенности немецкого текста, характерные для Грамматики В. Е. Ададура, во многом обусловлены спецификой немецкой научной речи конца XVII – начала XVIII века.

В этой связи следует отметить также, что в начале XVIII века немецкий язык становится языком науки в самой Германии, хотя использовать его в качестве научного начали уже с XV века. Но именно в XVIII веке происходит окончательное становление немецкого научного стиля, послужившего также далее основой для формирования других функционально-стилевых систем немецкого языка – официально-деловой и газетно-публицистической. Большую роль при этом сыграли знаменитые требования, выдвинутые Г. В. Лейбницем о «богатстве, чистоте и блеске» (Reichtum, Reinigkeit, Glanz), к которым нужно стремиться в использовании родного языка. Правда, становление немецкого языка как языка науки происходило постепенно, начиная с XVI–XVII вв. Но еще в 1687 году, когда Кристиан Томазиус заявил в Лейпциге о том, что собирается прочитать свою лекцию по философии на немецком языке, это вызвало скандал. В XVIII веке отчетливо проявилась общая тенденция к использованию национальных языков, в том числе немецкого, в научной сфере, что отчасти было связано с преимущественным развитием эмпирических наук. В XIX веке наряду с научным прорывом, особенно в сфере естественно-научных и технических дисциплин, немецкий язык наряду с французским и английским становится полноправным языком науки. С начала XIX века и вплоть до Второй мировой войны немецкий язык был общепризнанным научным Lingua franca. Интересен, например, такой факт, что вплоть до 60-х гг. XX века японские врачи обязаны были вести записи в карточках пациентов по-немецки. На немецком языке публиковались международные научные журналы, проводились различные научные мероприятия. Все это продолжалось до Первой мировой войны, после которой союзники объявили бойкот немецкому языку в Лиге наций и на международных конференциях, и особенно после Второй мировой войны в связи с процессами денацификации⁴.

В процессе перевода текста Грамматики В. Е. Ададура большое внимание пришлось уделить реальному комментарию к ряду явлений, без которого невозможно было бы адекватно передать их при переводе. Среди этих комментариев хотелось бы, прежде всего, выделить следующие семь:

(1) Под книгами новой печати в Грамматике В. Е. Ададунова имеется в виду создание новой гражданской Азбуки и гражданского шрифта в результате реформ Петра I в 1708–1710 гг. В соответствии с этой реформой были исключены следующие буквы: З – земля (оставлена S – зело), Ф – ферг (оставлена Θ – фита), Ѡ – кси, Ψ – пси, Ω – омега (оставлена О – он), V – ижица, Λ – юс малый, а также лигатура – Ѡ̄ (от). Часть этих букв впоследствии (как полагают, под влиянием духовенства) была восстановлена. Одновременно в азбуку были введены буквы Э оборотное (в противоположность Е – есть) и Я (вместо з). В гражданской азбуке впервые устанавливаются строчные и прописные начертания букв. В печатной графике были упрощены и округлены начертания букв, устранены надстрочные знаки – ударения и титло, введена система обозначения чисел арабскими цифрами (вместо буквенной цифири). Благодаря этой реформе был установлен официальный стиль письма и введено четкое разграничение двух стилей – нового, светского и старого, церковно-служебного (к стр. 3).

(2) В тексте Грамматики В. Е. Ададунова, несмотря на указанную выше реформу, еще приводятся цифровые значения букв (к стр. 3).

(3) У многих современных исследователей до сих пор нет единого мнения по ряду вопросов произносительной нормы некоторых русских букв в XVIII веке. Неоднозначность произнесения этих букв была очевидна и для современников того времени. Одной из таких букв была з. Так, М. В. Ломоносов считал, что в одних словах надо произносить твердое, а в других мягкое з. При этом эти две фонемы не были стилистическими заместителями, а распределялись по словам, т. е. между ними не было твердых норм распределения. Так, в 8-ом томе полного Собрания Сочинений на стр. 582–583 приводится поэтическое размышление М. В. Ломоносова «О сомнительном характере буквы Г в Российском языке» (к стр. 4).

(4) Буквы и и і тоже претерпели в процессе реформ известные преобразования. Так, в 1735 г. Академией наук кроме букв, исключённых во время петровских реформ, дополнительно были исключены буквы Ъ «кси», и З «зело», и был возвращен Й, отменённый в ходе петровских реформ, хотя вплоть до XX века он не считался отдельной буквой. Буква и была сначала Петром I отменена, а потом возвращена (после «Справы» 1735 года?). Правила их использования на протяжении XVIII века постоянно видоизменялись, так, і писалось то с одной, то с двумя точками. В 1738 г. Академия наук кодифицирует устойчивое употребление буквы і

перед гласными, кроме префикса и предлога *при*. Эта буква была отменена только в процессе реформ 1917–1918 гг. (к стр. 4).

(5) Custos означает по-латински хранитель, блюститель, ср. латинскую поговорку Quis custodiet ipsos custodes? (Кто блюдет блюстителей?). Это слово было заимствовано русским языком в форме *кустос*, по-видимому, через немецкий, и обозначало в XVIII веке надзирателя в Академической гимназии (к стр. 5).

(6) В оригинале текста В. Е. Ададунова используется принятое у М. В. Ломоносова обозначение *славонский язык* (к стр. 11).

(7) Под Лексиконом В. Е. Ададунов имеет в виду «Латинско-немецко-русский лексикон», Э. Вейсмана, в работе над которым он принимал активное участие и к которому им был написан данный Очерк (к стр. 44)⁵.

Второй особенностью перевода стал выбор степени стилизации текста первой половины XVIII века. От подобной стилизации в процессе перевода решено было отказаться по целому ряду соображений, во-первых, после консультаций со специалистами, для которых более весомым представляется содержательная и неформальная сторона. Во-вторых, отказ от стилизации был также вызван тем обстоятельством, что научный немецкий текст той эпохи гораздо ближе современному языку, чем русский язык науки того времени современному русскому языку. Здесь можно привести в качестве доказательства параллельные отрывки из «Российской Грамматики» М. В. Ломоносова и ее прижизненного перевода на немецкий язык:

§ 2 «Российская Грамматика» М. В. Ломоносова: «...кроме слова нашего можно бы мысли изображать было через разные движения очей, лица, рук и прочих частей тела, как то пантомимы на театрах представляют...»

Немецкий перевод: „...daß wir unsere Gedanken auch durch verschiedenen Bewegungen der Augen, des Gesichtes, der Hände und anderer liedmaßen auszudrückend vermögend wären, so wie die Pantomimen auf der Schaubühne ihre Sachen vorstellen...“

Следующей характерной чертой Грамматики Ададунова является высокая степень ее клишированности, что связано, по-видимому, с типом текста – кратким сводом грамматических правил. Именно это привело к стремлению быть предельно кратким и к желанию максимально полно отразить основной свод правил русской грамматики. Лишь в некоторых местах автор позволяет себе сделать отдельные отступления, комментарии, высказать свое мнение, оценку или отобразить спорные

вопросы, волновавшие умы того времени. В этих отрывках как раз и наблюдается отход от стереотипов.

В качестве примера здесь можно было бы назвать рассуждения о вариантах произношения русской буквы Г, которое часто служило объектом научных дискуссий того времени. В связи с этим уместно было бы вспомнить о наличии в поэтическом наследии М. В. Ломоносова оды «О сомнительном произношении буквы Г в Российском языке». В приводимом ниже отрывке автор свободно оперирует и знанием материала, и языковыми возможностями для выражения своего мнения (усложненные синтаксические построения, гипотетический конъюнктив и другие способы создания непростого модального плана высказываний):

Hiebey ist zu mercken, daß in der Rußischen Sprache die eigentliche Buchstaben G' und G auch noch einige andere mehr fehlen, ohngeachtet sie von großem Nutzen seyn würden, indem sehr viele mit dem Munde ausgesprochene Wörter durch die gewöhnliche Rußische Characteres nicht können ausgedrucket werden. Einige da sie den Mangel dieses G bemercket, haben angefangen gedachten Buchstaben in diesem Character Г auszufinden, so wie sich solches noch aus etlichen vor diesem gedruckten Büchern sehen läßet. Es wäre also wohl zu wünschen, daß die Gewohnheit aufkommen möchte, da der Character Г das G' und der Character Г das G allezeit bedeuten möchten. Indeßen aber muß man sich in die Zeit schicken wenn der Character Г, an statt des G' und G untereinander und ohne Unterscheid gebrauchet wird.

На страницах Грамматики Ададунова нашли также отражение споры с приверженцами старославянского языка (называемого в Грамматике славонским), где вполне уместной выглядит и отчетливое собственное мнение, и полемическая ирония по отношению к научным оппонентам. Ср., например, использование такой оценочной лексики, как *Liebhaber*, *anstoßig*, *greßlich*:

Es ist hier so wohl in dem Schemate als in denen Paradigmatibus der Instrumentalis des Pluralis von denen Nahmen so auf *ѣ* ausgehen auf *ѣми* flectiret worden, welches vieleicht Liebhabern der Slavonischen Redens-Arten möchte anstoßig seyn, indem sie gewohnt sind selbigen mit *ѣи* oder *ѣми* zu exprimiren. Allein da nunmehr aller Slavonismus vornehmlich eine solche Art zu decliniren aus der Rußischen Sprache exuliret und einen greßlichen Laut in denen Ohren derer Heutigen erregt, so wird man auch nicht verdencken können, wenn man solches allhier übergangen und vielmehr dafür der natürlichen Art zu decliniren nachgegangen ist. Ob nun auch wohl übrigen nach diesen Paradigmatibus und dem oben stehendem Schemate sich alle übrige in diese

Declination lauffende Wörter gar leicht decliniren lassen, so wird indessen gar nicht unnützlich seyn, noch folgende Observationes wohl in acht zu nehmen.

Отражением актуальных для XVII – начала XVIII веков дискуссий является также отрывок о духе (гении) языка (*genie de la langue*, в тексте Ададунова – *genius der Rußischen Sprache*), которое встречается также в трудах И. К. Тредиаковского. Смысл данного понятия, сформулированного в результате обсуждения проблемы коренных свойств языка, остающихся неизменными при всех инновациях, понимался как совокупность специфических характеристик, определявших идентичность данного языка самому себе и отличавших его от других языков⁶.

В приведенном ниже отрывке данное понятие толкуется в связи с противопоставлением старославянского (словенского) и современного русского (начала XVIII века) языков, где автор подчеркивает, что как бы ни были милы сторонникам старославянского дативные флексии на *-и*, духу языка этого времени больше соответствуют иные флексии:

Nachgehends ist im Singulari der Narratiuus dem Dativu allemahl gleich, und dessen Endigung *h*, wie aus obengesetztem Schemate erhellet. Einige wollen zwar, vielleicht aus Hochachtung für die Slavonische Sprache, bey den Wörtern, so sich in *жа, ша, шя, und я* endigen, den Dativum Singularis auf *ein и* formiren, aber solches geschiehet nicht allzu recht, maaßen es dem Genio der Rußischen Sprache gänzlich zu wieder ist.

В качестве еще одного примера можно было бы также привести заключительные строки Грамматики В. А. Ададунова:

Diese Regula mögen zum Anfang gnug seyn. Es sind zwar noch mehrere; auch könnte noch von der Prosodie eines und das andere beygefüget werden; allein da ohnedem diese Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache stärker geworden, als man vermuthet, so sparet man alles dieses billig auf ein größeres Werck. Immittelst bittet sich der Verfasser von dem Geneigten Leser so viel aus, daß er sich dieser wenigen Blätter biß dahin zu seinen Nutzen bedienen, ihm hingegen zu gute halten wolle, wenn ja einige Fehler in selbige mit eingeschlichen seyn sollten.

Ср. перевод:

Этих правил, пожалуй, должно для начала хватить. Правда, существуют еще некоторые другие, можно было бы кое-что добавить о просодике; но поскольку и без этого эти «Основы русского языка» стали больше, чем предполагалось, то это можно сэкономить для более обширного труда. Тем временем автор просит благосклонного читателя

использовать эти немногочисленные странички себе на пользу и проявить по отношению к автору терпение, если в них будут обнаружены кое-какие ошибки, которые могли попасть туда.

Здесь, правда, имеет место своего рода этикетная клишированность, что подтверждается тем фактом, что этот пассаж из Грамматики Ададунова почти дословно перекликается с заключительными фразами из Предисловия к Лексикону Вейсмана⁷.

Фактом, подтверждающим свободное владение немецким языком, может также послужить прекрасное владение синонимикой. Так, наряду с двумя вышеприведенными примерами Ададунов использует еще шесть синонимичных способов выражения одного и того же значения. Подобная «изошренность» была вызвана необходимостью варьирования при отображении одного и того же содержания – указания на цифровое значение букв русского алфавита на одной и той же странице его текста (стр. 4 оригинала):

In den Zahlen hat es die Bedeutung von 200. In den Zahlen zeigt es 6 an. Der Zahl noch ist es 20. In den Zahlen hält es 30. In den Zahlen wird es als 50 gerechnet. Und gilt in den Zahlen 100. In den Zahlen hat es keinen Valorem.

В целом можно сказать, что опыт подобного рода перевода оказывается бесценным и помогает высветить целый комплекс интереснейших вопросов, связанных как с теорией, так и с практикой перевода.

Примечания

¹ О переводческой деятельности В. Е. Ададунова см.: Большая Библиографическая Энциклопедия. М., 2009; Математический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1988; Энциклопедический словарь онлайн Академик (dic.academic.ru).

² См. об этом: *Живов В., Кайперт Г.* О месте грамматики И.-В. Пауса в развитии русской грамматической традиции: интерпретация отношений русского и церковно-славянского. ВЯ, 1996, № 6. С. 3–30.

³ Цит. по: *Макеева В. Н.* История создания «Российской грамматики» М. В. Ломоносова. М.–Л.: Академия наук, 1961.

⁴ См. об этом подробнее: *Ammon U.* Ist Deutsch noch internationale Wissenschaftssprache? Englisch auch für die Lehre an den deutschsprachigen Hochschulen. Berlin, New York. De Gruyter, 1998.

⁵ *Unbegaun B. O.* Drei russischen Grammatiken des 18. Jahrhunderts. München: Wilhelm Fink Verlag, 1969.

⁶ Ср.: *Живов В. М.* Язык и культура в России 18 в. М., 1996. С. 278.

⁷ См. об этом: примечание № 23 у Б. А. Успенского: *Успенский Б. А.* Доломоновские грамматики русского языка (итоги и перспективы) // Избранные труды, т. 3. Общее и славянское языкознание. М., 1997. С. 530–531.

Даулетов Аскар Сюгадиевич

Сургутский государственный педагогический университет

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА КАТЕГОРИИ РОДА С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК (на материале текста «The Jungle Book» Р. Киплинга)

Предметом настоящей статьи явились противоречия толкования категории рода в теоретической и практической грамматике современного английского языка, которые осложняют переводчикам передачу истинных взаимоотношений субъектов и объектов в текстах переводов.

По мнению академика В. В. Виноградова категория рода – обязательный элемент значения существительных. Почти каждое имя существительное относится к какому-либо роду, и вне этой категории находятся только существительные, не имеющие формы единственного числа – *pluralia tantum*. В современных языках встречаются как трехродовые системы (например, в славянских языках и немецком языке), так и двухродовые (в романских, иранских). Как указывает В. А. Виноградов, развитие аналитизма в английском языке привело к разрушению словоизменения и утрате родовых противопоставлений в именах, род превратился в скрытую категорию, обнаруживаемую только через анафорические местоимения *he, she, it* (он, она, оно)¹.

По мнению Н. А. Кобриной *et al* определение мужского, женского и среднего рода может соответствовать лексическому значению существительного (*boy, girl, table*). Определение рода может также быть выражено различного вида